

Глава 17. Хорошие дни

Прошёл ещё один день после пересадки рисовой рассады и заделывания пропусков. Когда пустоты заполнили, они два дня отдыхали, а затем снова вышли на прополку. Спина у Цяо Суймана уже не так сильно ныла, поэтому он отправился в поле вместе с остальными выдёргивать сорняки. С собой он прихватил донную ловушку — как раз подходящую для ловли вьюнов.

Они нарезали дождевых червей и положили их внутрь ловушки, после чего установили её там, где водная трава гуще или вода глубже. Затем оставили её и сосредоточились на прополке. Если не удалить сорняки вовремя, они задушат рассаду, замедлят её рост и повлияют на будущий урожай.

Втроём дело шло быстро. Поля они пропалывали регулярно, так что особых усилий не потребовалось — за один день управились со всем. Теперь оставалось лишь дожидаться, когда рассада оправится, и тогда можно будет снова залить поля водой.

Дни тяжёлой работы наконец подошли к концу, а донная ловушка принесла неплохую добычу: пять вьюнов и четыре угря. словно награда за недавние труды.

Под лунным светом Цяо Жуйфэн нёс ловушку, а впереди, оживлённо беседуя, шли Цинь Юй и Цяо Суйман. Он следовал за ними с лёгкой улыбкой.

Вернувшись домой, луна уже высоко стояла в небе. Свечей в доме не было, поэтому Цинь Юй развёл огонь при свете луны. Пламя осветило комнату. Цяо Суйман нарезал люфу и отварил её в воде, затем поставил на кастрюлю решётку для пара и уложил сверху пять булочек.

Во дворе Цяо Жуйфэн прикончил последнего угря, оставшегося с прошлых дней. Эти твари были живучими — достаточно было немного воды, чтобы они долго оставались живыми. Даже спустя пять-шесть дней они всё ещё бодро шевелились.

Тех, что поймали сегодня, тоже оставят живыми. Съедят ли их или продадут — неважно. Всё равно это дары земли. Можно полакомиться мясом, не тратя ни гроша. За последние дни они уже ели тушёных и жареных вьюнов с угрями, но их вкус им всё никак не надоедал.

Пока угря чистили, булочки уже подошли на пару. Цяо Суйман разлил суп из люфы по мискам, оставив часть для Хэйцзиня. Булочки сложили в корзину, которую Цинь Юй отнёс на стол в главной комнате, а затем вернулся к огню.

Тушёного и острого жареного угря они уже пробовали, поэтому Цяо Суйман, немного подумав, решил просто обжарить его на соевом масле. Цинь Юй вытащил одно полено, убавляя огонь, чтобы угорь медленно подрумянивался. Так снаружи он становился золотистым и хрустящим, а внутри оставался мягким и сочным.

Он знал и другой способ приготовления: обвалить кусочки угря в кляре, дважды обжарить во фритюре и потом макать в соус. Невероятно вкусно. В семье Чэнь такое готовили на Новый год — вместе с жареной рыбой и мясом. Аромат разносился далеко вокруг, и они всегда делились с семьёй Цяо.

Но такой способ требовал много муки и масла, да ещё и мука должна быть тонкого помола. Семья Цяо, разумеется, не желала тратить лишние деньги. Впрочем, всё, что готовится с щедрой порцией муки и масла, не может быть невкусным.

Одна сторона угря уже стала золотистой. Цяо Суйман перевернул куски и стал обжаривать другую. Перед жаркой он натёр их солью, и теперь солоноватый аромат хрустящей корочки дразнил аппетит.

Увидев, что угорь почти готов, Цинь Юй потушил огонь. Остаточного жара сковороды хватит, чтобы довести блюдо до готовности.

Цяо Жуйфэн убрал сельскохозяйственные инструменты. Для крестьянина инструменты — настоящее сокровище, и их нужно бережно хранить. В семье Цяо было не иначе. Три корзины с орудиями труда стояли в сарае. Раз они пока не понадобятся, то пусть там и стоят.

Цяо Суйман снова подмешал немного рубленого мяса в рисовые отруби для Хэйцзиня. Пёс ел с явным удовольствием — не то что в прошлый раз, когда, попробовав мясо, потом нехотя жевал одни отруби. За последние дни, питаюсь лучше, Хэйцзинь заметно повеселел. После перенесённой побои, Цяо Суйман всячески старался помочь ему оправиться.

Ночь всё ещё была прохладной. Горячий суп из люфы согревал и прогонял холод, накопившийся за дни работы в залитых водой полях. Откусив булочку и кусочек жареного угря, Цяо Суйман невольно тихо вздохнул. Хотелось лишь, чтобы каждый день был таким же хорошим.

Все устали, поэтому ели быстро, не смакуя каждый кусок. Вскоре стол опустел. Цяо Суйман и Цинь Юй съели по одной булочке и разделили ещё одну пополам. Цяо Жуйфэн съел две, а последним кусочком вытер масло из миски с угрём и залпом допил оставшийся суп. Вот что называют удовлетворением от сытного ужина.

Перепачканный в грязи, Цяо Суйман нагрел воды и отнёс её к себе в комнату, чтобы умыться. Внезапно снаружи прогремел раскат грома — такой внезапный, что он вздрогнул всем телом. Он выглянул наружу, но дождя не было.

Обычно грома он не боялся, но сегодня почему-то на душе было тяжело, словно вот-вот должно случиться что-то большое. Сон его был тревожным и рваным.

— Семья Цяо! Семья Цяо!

— Жуй-сяоцзы¹, беда!

— Твой отец... он разбился насмерть!

Ворота во двор Цяо яростно заколотили. В этот день они встали позже обычного и как раз завтракали, когда снаружи раздались крики — ещё до того, как они успели открыть ворота.

Сердце Цяо Суймана судорожно дёрнулось, стремительно ухнуло вниз и заколотилось так, будто вот-вот вырвется из груди. Он застыл на месте, не понимая, что делать.

Цяо Жуйфэн поставил миску, быстро подошёл к воротам и распахнул их. Снаружи стояли пятеро или шестеро человек — семья Лю, живущая у въезда в деревню. Среди них были сын и внук младшего брата старого Лю, их жёны и ещё двое — видно, из любопытства увязались следом.

— Что вы сказали? Что с ним случилось? — Цяо Жуйфэн тоже был ошеломлён.

— Он... он сорвался с высокого откоса у въезда в деревню. Уже... всё, его нет!

— Мы собирались в город и увидели, что кто-то лежит у канавы. Спустились посмотреть... а это Цяо Чэнфу, этот бездельник... мёртв!

Дорога, ведущая из деревни Сяхэ, по обе стороны имела крутые склоны, примерно на два чжана² ниже уровня тропы. Обычно никто не подходил так близко к краю. Цяо Жуйфэн собрался с духом и хрипло сказал:

— Дядя Лю, прошу, проводите нас.

Цяо Суйман и Цинь Юй всё ещё были в оцепенении и молча последовали за ним. Спина у Цяо Суймана слабо ныла, будто напоминая: это не сон.

По дороге людей становилось всё больше. Цяо Суйман чувствовал себя оглушённым. Картина казалась знакомой, но случившееся превосходило всё, что он мог вообразить.

Вокруг стоял гул голосов. Было видно, что и члены семьи Лю напуганы. Когда их спрашивали, почему они такие бледные, они снова и снова пересказывали увиденное. К тому времени, как они добрались до места падения Цяо Чэнфу, там уже собралась плотная толпа.

Большинство зевак были пожилыми. Молодые не осмеливались смотреть на труп, а детей родители строго отгоняли, чтобы те не навлекли на себя «нечистого».

Когда люди увидели троих из семьи Цяо, они инстинктивно расступились. Чжоу Шуйфэнь тоже пришла, схватила Цяо Суймана за руку и сказала:

— Мань-гер, ты... ты не бойся, хорошо? Я схожу за старостой.

С этими словами она поспешила к дому старосты.

На лицах окружающих читалась жалость. Дети семьи Цяо ещё так молоды, а сколько им пришлось вынести. Когда умерла Ли Хуа, Цяо Чэнфу даже не вернулся, похороны организовал староста с помощью односельчан. А теперь и отец погиб. Осиротели, не успев вырасти... какая беда!

В голове у Цяо Суймана стояла пустота. Он не мог разобрать собственных чувств и, словно во сне, последовал за Цяо Жуйфэном вниз по склону.

— Ах... — выдохнули некоторые из смельчаков, спустившихся следом, увидев тело Цяо Чэнфу.

Он упал головой вперёд — череп был изуродован, весь в крови. От него тянуло перегаром и кислым потом. Ночью прошёл дождь, тело раздулось в луже, источая тяжёлый запах.

Человек, который ещё несколько дней назад ругался и бил его, теперь лежал холодный и неподвижный у обочины, а вокруг гудели голоса, которых он уже не различал.

Вдруг Цяо Суйман отвернулся и его вырвало.

Тело его слегка дрожало. Завтрак он почти не ел, поэтому его лишь вывернуло всухую. Перед глазами всё поплыло, и картина изменилась — это уже был не въезд в деревню, а передний двор дома Цяо, где его раз за разом избивали.

— Сяо Ман, Сяо Ман...

Знакомый голос коснулся его слуха. Это был Цинь Юй.

Он повернул голову. Цинь Юй и старший брат смотрели на него с тревогой.

— Гэ, я... я в порядке.

Пожилые фуланы и женщины не могли смотреть и отворачивались. Сердце разрывалось от жалости. К счастью, вскоре пришёл староста деревни и неожиданно вместе с ним Лу Дунцин.

Староста прикрыл нос и рот, шагнул вперёд, чтобы осмотреть тело. Как бы он ни недолюбливал при жизни Цяо Чэнфу, тот всё же был жителем Сяхэ, да и смерть его была такой жалкой. Он тяжело вздохнул.

— Наверное, напился, поскользнулся под дождём и сорвался. Жуйфэн, давай сначала отнесём его домой, а потом решим с похоронами.

Цяо Жуйфэн ничего не сказал, лишь кивнул и молча вытащил тело из лужи. Цяо Суйман и Цинь Юй хотели помочь, но староста остановил их:

— Юй-гер, вам двоим не стоит его трогать. Отведите Ман-гера домой, приготовьте чай. Пусть мужчины отнесут его.

Когда умерла Ли Хуа, именно Цинь Юй занимался похоронами, поэтому он знал, что делать. Но всё произошло слишком внезапно — он ещё не успел осмыслить случившееся.

Постепенно, выходя из толпы, Цяо Суйман начал приходить в себя. Юноша один раз оглянулся назад, затем опустил глаза, скрывая чувства. Он не заметил, что Лу Дунцин смотрит на него с беспокойством.

Они поспешили домой. Чжоу Шуйфэнь, приведя старосту, тоже вернулась и теперь стояла у их ворот. Увидев их, она сказала:

— Приготовьте побольше чая. Всё нужно уладить сегодня. Поешьте что-нибудь, силы вам понадобятся. В ближайшие дни будет много хлопот. Жаль, что я сама не могу помочь, но...

— Тётушка Шуйфэнь, не говорите так. Свадьба Сюэшэна важнее. Мы справимся. Лучше найдите для Сюэшэна красный пояс.

Свадьба Чэнь Сюэшэна была уже совсем близко. Его семье нельзя было вмешиваться в это дело. Смешивать красное (свадьбу) и белое (похороны) считалось дурной приметой для новобрачных.

— Ладно. Если возникнут трудности, обратитесь к старосте. Не буду вас задерживать, вам есть чем заняться.

Она тяжело вздохнула, глядя им вслед:

— Что же это творится...

Вернувшись домой, Цяо Суйман поставил на глиняную печь котёл с водой и одновременно нагрел воду ещё в двух горшках. Одному брату было бы не под силу принести домой такое тяжёлое тело. К тому же в нынешнем состоянии Цяо Чэнфу нужно было обмыть перед погребением, так что воды потребуется много.

Из сарая Цяо Суйман принёс полынь и перевязал несколько небольших пучков красной нитью. Полынь в деревне была обычным делом: её сушили и хранили для ножных ванн или чтобы отгонять дурное. Потом каждому, кто помогал, дадут по пучку унести домой.

Немного полыни он бросил и в маленький котёл с кипящей водой.

Когда они в спешке выбежали утром, Хэйцинзнь беспокойно поскуливал. После нескольких успокаивающих слов он затих и лёг неподалёку.

Они заперли все двери, кроме кухни и сарая. В ближайшие дни во дворе будет толпиться народ — нужно остерегаться воров. Когда умерла старуха Ван Ци, во время похорон у неё из заднего двора украли двух кур.

Цинь Юй огляделся, убеждаясь, что всё в порядке. Снаружи, издалека, уже доносился шум приближающейся толпы.

¹ 〇〇 — обращение к молодому мужчине.

² 〇 — мера длины, около 3,3 метра.